

АЛЕКСЕЙ КРАВЧЕНКО: «СВОИ СЛЕЗЫ Я СКРЫВАЮ ДАЖЕ ОТ ЖЕНЫ»

— Некоторые картины я смотрю только один раз, потому что не хочу снова переживать. Могу заплакать от радости или от умиления. Но это не значит, что по жизни я человек мягкий и слабый. Мои слезы не всегда видит даже жена.

Алиса: Хотя иногда все-таки вижу. Нашему сыну Алеше был год, когда муж уехал на целый месяц на гастроли. Возвращается — ребенок уже ходит. Малыш остановился возле папы, посмотрел на него и хотел было уже пройти мимо — несмотря на то, что я каждый день показывала ему фотографию отца, он его все-таки подзабыл. Алексей тянет к нему руки: «Сыночка!..» Мхатовская пауза. Вдруг сыночка вспоминает: «Па-па...» И папа — в слезы.

— **Но сейчас сын уже ходит в школу. Как вы ему объясняете, почему папа — взрослый мужчина — иногда плачет?**

Алексей: А что ему объяснять? Он сам такой же. Когда в первый раз смотрел мультик, расплакался и пришел к нам: «Мам! Пап! Я не понимаю, почему у меня слезы». Ребенок не мог объяснить, что с ним происходит, но мы-то с Алисой все поняли... Знаете, я встречал много сильных людей, которые не стеснялись быть сентиментальными.

— **Многие становятся такими только с возрастом.**

— Нет-нет, я и в детстве был такой же. Мы с сыном в чем-то похожи. Только меня прельщала улица, а он разговаривает с друзьями о компьютерах. Правда, с таким же успехом Алеша читает, рисует, играет главные роли в школьных спектаклях. И все-таки у его поколения уже другой язык.

Я вырос в том же районе, где живу сейчас с мамой, женой и сыном. Хотя после фильма «Иди и смотри» многие считали, что я белорус — съемки проходили под Минском. Мама воспитывала меня одна, я был любящим сыном, но в какой-то момент улица все-таки перетянула одеяло на себя. Мы с ребятами были обыкновенной московской шпаной, входили в группировки. Катались на товарных поездах, в школе высаживали стекла, милиция ловила нас в карьерах. Кто-то бил нас, кого-то — мы. Но для мальчиков это нормально. Я умел за себя постоять. И в то же время был очень ранимым. У нас с другом была общая собака — мы подобрали ее на улице щенком, кормили, следили за ней, она любила пиво (*Улыбается*)... Когда ее убили, мы страшно горевали. С тех пор у меня всегда живут собаки.

— **А как вы восприняли предложение Элема Климова сняться в фильме «Иди и смотри»? Родовались, что не надо будет в школу ходить?**

— Да я о ней вообще не думал. Элем Германович, конечно, не хотел, чтобы я забросил учебу, устроил меня в Белоруссии в школу. Но после двух уроков я слинял и сказал Климову, что больше туда не пойду. Занимался с репетиторами, но к концу съемок (а они длились 9 месяцев) сил на учебу уже не хватало

Алексея Кравченко зрители привыкли видеть на экране сильным, жестким, часто с оружием в руках. А в жизни он, оказывается, совсем другой — сентиментальный, ранимый. Безумно дорожит семьей. Боится гусей. И может расплакаться при просмотре фильма...

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

Алеша Кравченко в фильме «Иди и смотри», 1985 г.

— все время хотелось спать. Сниматься приходилось и рано утром, и ночью. Грумер брал мою голову своими руками и говорил: «Спи» — а сам два часа колдовал над моим лицом. Грумом была специальная резина. Просыпался я, когда все уже было готово. В некоторых сценах мне нужно было сниматься в контактных линзах — тогда они только появились. Меня повезли в глазной институт на примерку. Сажу в кресле, как у зубного врача, ничего не понимаю. Весь сжался, а когда понял, что врач будет вставлять стекляшки мне в глаза, долго не мог открыть их. И вот сцена в амбаре. Много народу. Все в саже. Вдруг одна линза выпадает у меня из глаза. Я успеваю схватить ее, соображаю, что она грязная, но выйти из амбара нереально — он набит людьми... Плюнул, растер, вставил в глаз и доиграл сцену до конца. А на следующее утро проснулся со страшным конъюнктивитом.

— **Зачем вас так мучили?**

— Существует мнение, что у человека в зависимости от психологического состояния глаза меняются и могут быть блеклыми, мутными, блестящими, темными... И Климов решил использовать это нововведение с линзами... А как хотелось есть! Элем Германович велел худеть. Прихожу вместе со всеми поест

сладкой рисовой каши, а мне дают пресный вареный рис. Я честно голодал, сидел на воде, но Климов все время повторял: «Щеки!» Румянец меня выдавал. В мой день рождения съемочная группа обедает пирожками — мне опять нельзя. Я разозлился: подумаешь, один пирожок! Съел втихаря. А на следующий день Климов похвалил: «О, классно выглядишь!» Купили с приятелем большой пакет пряников, залезли в крапиву, съели всухомятку и после этого целую неделю выглядели прекрасно.

— **Что же, все девять месяцев Климов держал вас в ежовых рукавицах?**

— В общем, да. Хотя в перерывах между съемками я играл на гитаре, сочинял песни, катался на велосипеде, вставая на дыбы и заезжая на бордюры. Но Элем Германович и это запрещал — если бы я упал, появились бы синяки, ссадины, грумеру прибавилось бы работы. Помню, ношусь, как всегда, по газонам, вдруг поднимаю голову и вижу в окне гостиницы Климова, грозившего мне кулаком... Катание закончилось. Я был вызван на беседу.

— **Знала бы ваша мама, как над ее ребенком будут измываться, не отпустила бы на съемки.**

— Климов разрешил ей приехать ко мне только месяца за два до окончания съемок. А увидев, что она адекватно реа-

Владислав Галкин, Андрей Зибров, Александр Носик и Алексей Кравченко в телесериале «Спецназ», 2002 г.

гирует на происходящее, даже разрешил присутствовать на съемочной площадке.

Любовь Николаевна: Мне прислали письмо с «Мосфильма» о том, что у Алешки очень сложная роль, и я пошла к руководству завода, где работала, выбивать отпуск. И вдруг начальник цеха сам предложил: «Берите больничный, отгулы — делайте все возможное, чтобы побыть с сыном». Так я полтора месяца жила с Алешей.

Алексей: Мама вела себя мужественно. Была словно железная. Сыну надо голодать — пожалуйста, мама будет голодать вместе с ним. Он не спит — и она не приляжет. Климов считал, что, если я похудею, румянец сойдет с моего лица. Но он полыхал пуше прежнего. Это сейчас есть грим зеленоватого цвета, позволяющий сделать лицо бледным. Раньше таких технологий не было.

— **Из Белоруссии вернулись настоящей звездой?**

— Куда там! На съемках я здорово вырос внутренне, все 9 месяцев со мной общались по-взрослому. Но, вернувшись в класс, понял, что выросли только девочки. Они так изменились. Везде! Это сильно бросалось в глаза. Я же был исхудавший, коротко стриженный клочками, седой. Меня покрасили импортной, долго не смывающейся краской, а все думали, что ребенок поседел от переживаний.

Тем не менее никто из учителей меня не жалел и поправок не делал. После просмотра фильма они пришли в школу с опухшими глазами и носами. Моя парта была завалена цветами. Однако это не помешало заплаканной директрисе, которая вела физику, влить мне в тот же день двойку. А вы говорите — звезда!.. У меня всегда были сложные отношения с учителями, они даже противились моим съемкам у Климова. Звонили на «Мосфильм»: «Возьмите хорошего ученика!» Я увлекался музыкой, в конце четвертого класса уже создал свой ВИА. Но меня считали главарем преступного мира школы, говорили: «Кравченко ждет тюрьма». Когда мне нужно было ехать на последнюю пробу, учителя закрыли гардероб и не отдавали одежду. Я не мог подвести Климова, сбежал без пальто, а на следующий день меня не пускали в школу. Зато сейчас постоянно приглашают в гости, гордятся... Ну да ладно, я не держу на них зла. (Улыбается.)

— **После выхода «Иди и смотри» на экраны в народе поползли разные слухи.**

— Да уж! Досталось мне тогда! Говорили, я сошел с ума, лежал в психушке. Про Климова — что повесился (дай Бог ему здоровья!). Наверное, были у людей основания так думать. Во время показа картины у кинотеатра дежурили бригады «Скорой помощи» — машины уез-

Алексей с сыном Алешей, женой Алисой, мамой Любовью Николаевной и пуделем Рокки

жали, приезжали. Беременных не пускали. До сих пор некоторые признаются, что не видели фильма страшнее. Честно говоря, я тоже. Но — Бог свидетель — никаких мучений и издевательств над собой я не испытывал. Был обычный творческий процесс, который повлиял на мое мировоззрение.

— *После такого громкого дебюта вас должны были принять в театральный институт без экзаменов.*

— А я не хотел быть артистом. Спал и видел, как выхожу на сцену, играю на гитаре, и зрители благодарно аплодируют. Сколько столов на самодельные гитары извел! Ужас! На одной — недоделанной — до сих пор мясо рубим. Мы играли с ребятами в клубе, на дискотеках. Причем пели только свои песни, за что нам все время вручали грамоты. А однажды меня вызвали в горком комсомола и наградили... настольной лампой. Сейчас у нас своя группа — «Гуарана». Мы выступаем в клубах. Нашу музыку стали брать в кино.

В десятый класс я не пошел — поступил в техникум на фрезеровщика. Потом, чтобы убить время до армии, работал на заводе. Точил гайки и постоянно думал о музыке. Столько деталей загубил! А на флоте опять создал свою группу. И из трех лет полтора года ездил с выступлениями по разным городам.

— *Нельзя было откосить от армии?*

— Один мой знакомый поставил себе в то время «7Б» — диагноз «шизофрения», а сейчас мучается: и оружие не купишь, и с правами беда, и в паспорте на всю жизнь отметка. Он очень богатый человек, но в такой ситуации и деньги не спасают. Я же сначала просился в ВДВ, потом в морпех. Военкомат отправил меня учиться на водолаза. Все было серьезно: не явился на занятие — к тебе домой приезжают с милицией, и ты платишь штраф 50 рублей. В то время — половина маминой зарплаты! Так что сачковать я не мог и в результате окончил водолазную школу на «отлично». Когда нам выдавали удостоверения, пришли ребята с какого-то пруда и спрашивают: «Ну чё, топляков доставать будете?» — «Кого?» — «Ну, тех, кто до берега не доплыл. Заодно попрактикуе-

тесь». Мы, как услышали о такой практике, тут же бумажки порвали. А скоро пришла повестка, и я на три года загремел в морфлот. Наверное, можно было убежать, но я ведь честный. Только теперь понимаю: не честность это была, скорее слабоумие. До сих пор вижу страшный сон, как меня опять забирают в армию и я с пеной у рта доказываю: «Да я же, блин, три года — от звонка до звонка... Честно!..» А мне говорят: «Нет, парень, надо еще разок послужить».

Уверен: мой сын в армию не пойдет. Не та служба! И в свое время я понимал: три года просто потеряны. Но старался как-то развиваться. Сочинял музыку, играл. Даже труды Ленина изучал. На спор, правда... Ни слова не понял! В армии же я стал кандидатом в члены КПСС...

— *Господи, а это вам зачем надо было?*

— А когда становишься кандидатом, у тебя сразу появляются новые лички, ты уезжаешь в отпуск. До смешного доходило. Через три дня после моего возвращения из Москвы командир отделения говорил: «Что-то ты засиделся. Давай-ка поезжай домой!» Я ему: «Помилуйте! У меня еще мамина провизия не кончилась. Вот доем и поеду». В результате мои отпуска длились не 10, а 30, иногда 45 дней. Я знал: главное — нукуда не влипай, и все будет о'кей.

— *После таких длинных отпусков, наверное, не хотелось возвращаться на службу?*

— Еще бы! А уж после знакомства с Алисой — тем более. Со мной служил парень — студент института. Когда вышел приказ освободить от армии учащихся вузов, он демобилизовался. Пришел домой, познакомился с девушкой. А у нее была подруга. Парень говорит ей: «У меня на флоте дружок остался, напиши». Алиса черкнула пару строчек, нарисовала смешную рожицу — мол, примерно так я и выгляжу. А вскоре мне дали очередной отпуск. Алиса с друзьями приехала встречать меня в Домодедово, но самолет по погодным условиям сел в Шереметьево, и мы разминулись. Точного адреса моего она не знала, только район. Поехала в милицию, ей говорят: «В этом районе проживают три Алексея Кравченко». Алиса

выбрала один из адресов и попала в точку... Время в отпуске пролетело незаметно. Пришлось возвращаться в часть. Алиса писала мне по три письма в день. А через полгода моя служба закончилась.

Алиса: Когда Алеша демобилизовался, я его не узнала. В отпуск приезжал обаятельным, внимательным. Теперь это был агрессивный, жесткий человек. Мне пришлось привыкать к нему несколько месяцев, и все время я уговаривала себя, что он просто адаптируется к новой жизни.

— *А кто вы по профессии?*

— Когда-то серьезно занималась спортивной гимнастикой. Но после тяжелой травмы спорт пришлось оставить, надо было как-то жить. Работала в торговле. Последним местом был Таганский гастроном. Сейчас езжу с мужем на съемки. Иногда мы берем с собой сына. Был случай, Алеша несколько дней не ходил в школу. А когда появился, учительница спросила: «Лешенька, что же тебя так долго не было? Мы по тебе скучали». «Вы понимаете, — сказал наш ребенок, — мой папа уехал на съемки. Но он не может там быть без нас. И мы с мамой поехали к нему».

Алексей: Папа при этом — ни сном ни духом. (Смеется.)

— *Алиса, муж не заразил вас актерской профессией?*

Алексей: Обычно я отвечаю, что одного чокнутого на семью достаточно. Я ведь сам поступил в театральное училище благодаря жене.

— *Как это?*

— Уже в армии я думал о том, чтобы стать актером. Но, когда демобилизовался, был не уверен в себе и пошел работать в фирму, занимающуюся кровлей крыш на зданиях. Хотя и понимал, что это не мое. Вскоре женился, на свадьбе был Элем Германович. А через три дня Алиса впервые посмотрела фильм «Иди и смотри» и поддержала меня в моем желании поступить в театральное. «Вот твое призвание!» — говорила она. Так в 21 год я стал студентом «Шуки».

Алиса: Но в конце концов и я стала «актрисой». Случайно. Данелия снимал «Фортуна» на теплоходе — набрать мас-

совку негде, а я, как всегда, была с мужем. Пришлось помочь. В этом же фильме мы с покойной Мариной Левтовой сыграли монашек. Алексей каждый раз возражает. Но бывают ситуации безвыходные. Денис Евстигнеев снимал «Маму» на Валдае, а там после пяти вечера найти трезвых людей просто нереально. Подошел к Алексею: «Мне очень неудобно... Может, Алиса побудет пассажиркой в электричке?» Леша: «Нет!» Но я опять сыграла — с какими-то пьяными мужиками. Не останавливать же съемки.

— *Интересно, как младший Леша относится к папиной популярности?*

— Да никак. Ну, просит иногда автографы для подружек — как ни странно, девочкам нравится «Спецназ». Сейчас-то он уже взрослый, в третьем классе. А несколько лет назад Леша, похоже, всерьез приревновал меня к питерскому парнишке, который сыграл моего сына в «Рождественской мистерии». После премьеры он разрыдался: «Папа любит друтого мальчика!..» Хотя сам снялся в этой картине, сыграв моего героя в детстве.

— *Послушайте! По-моему, в вашей семье уже трое «чокнутых»...*

— Нет-нет. (Улыбается.) Леша тоже снялся случайно. Режиссер увидел фотографии сына, влюбился в него. Я сопротивлялся до последнего. И только когда мне сказали, что альтернативы нет, пришлось сдаться. Но сына я предупредил: не понравится — тут же разворачивайтесь и уходите. Не хочу приучать ребенка к кино. Хотя он артистичный. В хорошем настроении может начать за просто танцевать в центре Москвы, на Пушкинской. Ему нравится, когда на него смотрят. Я сам в детстве занимался бальными танцами, до сих пор это дело люблю. Помню, мы с Алисой только поженились. Приехали на юг в дом отдыха и в тот же вечер пошли на дискотеку. Народу — море. Но на площадке были только девушки и... два самца: я и еще один москвич. Как мы танцевали! Закачаешься! Словом, мне кажется, любой мужчина должен уметь танцевать так, чтобы... все девушки были его.

Алиса (улыбаясь): И все девушки — его!

Татьяна ПЕТРОВА

«Мне кажется, что мужчина должен уметь так себя подать, чтобы... все девушки были его!»